

Черносвет

Константин Костин

18+

Константин Александрович Костин

Черносвет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72438406

SelfPub; 2025

Аннотация

В глухих лесах Новгородских земель творится нечто необъяснимое: ночью небо разрывается огненным росчерком, а из «медного желудка» выходит странный воин в черных доспехах, говорящий на непонятном языке. Это Черносвет – инопланетный охотник за головами, прибывший на Землю в погоне за опасным преступником. Но как поймать беглеца, если местные жители принимают высокотехнологичное оружие за колдовство, а самого охотника – за нечисть? И что опаснее – плазменные стрелы или местная медовуха?

Обложка создана при помощи нейросети "Шедеврум"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Константин Костин

Черносвет

Глава 1

Лето ещё не успело развернуться во всю свою сырую, буйную мощь, но ночи уже были тёплыми, тяжёлыми, словно пропитанными дыханьем спящего зверя. Воздух густел, становился осязаемым, вязким от бесчисленных запахов – прелой листвы, болотной сырости, терпкого дыма от догорающего костра и сладковатого, тревожного гниения, что струилось из глубины чащобы. Над островерхими шатрами чёрных елей висел молодой месяц, бледный и кривой, словно потускневший серп, брошенный в небо небрежной рукой жнеца. Свет его был призрачным, обманчивым, он не столько освещал, сколько укутывал мир в тайну, превращая знакомые очертания дремучего леса в настоженные, чужие силуэты.

Вольга сидел на примятой траве у догорающего костра, спиной чувствуя непроглядную тьму чащи, а лицом – слабое дыхание углей. Охотник сидел неподвижно, как изваяние, вживляясь в тишину, втягивая её в себя всеми порами. Влажный мрак медленно обволакивал его, подступая от

опушки, и казалось, вот-вот услышишь мерное, тяжёлое дыхание самой земли. Угли алели тускло, почти не давая тепла, лишь подчёркивая звенящую, гнетущую темноту вокруг. Вольга не любил эти первые летние ночи – слишком они были тихие, слишком настороженные, притаившиеся. Даже комары, бич здешних болот, не жужжали в этот миг, будто затаились в ожидании некоего знака.

И знак явился.

Небо разорвалось.

Сперва – лишь тонкая, ослепительно-белая светящаяся нить, прочертившая черноту от края до края, с нестерпимой, яростной точностью рассекшая полог ночи. След её жёг сетчатку, оставаясь в ослеплённых глазах кровавым шрамом. Потом – грохот, не звук, а нечто физическое, ударная волна, от которой содрогнулась и застонала сама земля под ногами. Эхо покатилося меж деревьев, ломая сучья. И далеко-далеко, за холмами, затянутыми сизой дымкой болот, взметнулся, пульсируя, багровый отсвет, озаривший изнанку туч зловещим заревом. Лес замер в абсолютном, немом оцепенении. Стих даже ветер, будто придавленный лапой невидимого исполинского зверя.

Вольга медленно, с какой-то величавой, медвежьей грацией поднялся во весь свой богатырский рост. В глазах ещё плавал и дымился след того огненного росчерка – будто сам Сварог или колдун-кузнец Семаргл провёл раскалённым пером по самой ткани мироздания, оставив на ней руническую

надпись из пепла и света.

Он, Вольга Святославич, не верил в деревенские суеверия и бабьи знамения. Но он верил в то, что за всем необычным в этом мире, будь то диковинный зверь или падение звезды с небес, кроется либо добыча, либо опасность. А чаще всего – и то, и другое вместе, две стороны одной секиры. И то, и другое следовало проверить лично.

Топор, его верный спутник, лежал рядом на потертой волчьей шкуре. Длинная рукоять была гладкой от множества прикосновений, а лезвие, даже в этом тусклом свете, отливало холодной, смертельной сталью. Охотник поднял оружие, ощутив знакомую, живительную шершавость ясеновой рукояти, и без колебаний шагнул прочь от умирающего огня, навстречу зареву.

Лес стоял черный, как смоль, и настороженной тихий. Вольга шагал по едва заметной звериной тропе, чувствуя, как влажный, спёртый воздух прилипает к лицу мокрой пеленой. Впереди, меж деревьев, угадывалась чёрная просека, будто кто-то провел по лесу гигантским плугом, выворотившим землю и сокрушившим всё на своём пути. Воздух здесь пах иначе – гарью, оплавленным камнем и чем-то едким, металлическим, отчего во рту возникал привкус меди.

Деревья по краям этого ранения земли стояли обугленные, скрюченные в немых гримасах ужаса, словно в последний миг пытавшиеся отшатнуться от слепящего удара. Земля была взрыта, будто её перепахали неистовым плугом яро-

сти, а в самой глубине воронки, дымясь лёгким паром в ночном воздухе, лежало Оно.

Желудь.

Только не простой, упавший с дуба, а огромный, с целую курную избу величиной. И не деревянный, а отлитый из цельного куска металла, с зеленоватым, призрачным отливом под бледным светом месяца. То ли медь, то ли бронза, но такая, какой Вольга никогда не видел – будто выплавленная в неземной кузнице, в горниле нечистого, запредельного огня. Поверхность его была испещрена непонятными чеканными узорами – не цветами и не зверями, знакомыми русичу, а строгими, геометрическими знаками, угловатыми письменами, говорящими на языке молний и бури. Он лежал, вонзившись в землю, словно семя, брошенное в почву с небес, тихо потрескивая и остывая, от желудя исходила звенящая, неестественная мощь, от которой стыла кровь в жилах и шевелились волосы на руках. Это была не добыча и не опасность. Это было нечто иное. Нечто новое.

Охотник замер, сжимая топориче так, что побелели костяшки на пальцах. Каждое чувство, каждый нерв натянулся, как тетива лука, готовый сорваться в миг. Он не дышал, слившись с гнетущей тишиной леса, весь превратившись в слух и зрение.

И тогда желудь шевельнулся.

Сперва – едва уловимый, глухой стук, будто там, в металлической утробе, перекатывалось тяжёлое ядро. Потом

– резкое, змеиное шипение, и часть гладкой поверхности неожиданно отошла в сторону, без скрипа, без усилия, выпустив наружу клубы густого, ледяного пара, что тяжелым дымом стелился по взрытой земле. Из черного, непроглядного нутра, из той холодной темноты, что была куда чернее самой новгородской ночи, вышла фигура.

Человек?

Нет.

Слишком высокий, на целую голову выше самого Вольги, богатырского сложения. Слишком прямой и неестественно пластичный в своих движениях. Тело его было скрыто под странными, невиданными доспехами – не добротной кольчугой, не чешуёй, не пластинами, а чем-то цельным, гладким и блестящим, будто кожа гигантской ящерицы или отполированный черный лунный камень, но несомненно твёрдой и прочной. Шлем, слитный с доспехом, полностью скрывал лицо, оставляя лишь узкую тёмную щель на месте глаз – чёрную, как самый глубокий провал в ночи, бездонную и пустую.

Незнакомец сделал шаг, его поступь была удивительно легкой для такого роста, будто земная твердь не имела над ним власти. Он поднял руку, закованную в перчатку того же странного материала.

– Кх’аар-ван-дрис, – прозвучало из-под шлема.

Голос был глухим, металлическим, лишенным тепла и живых интонаций, словно речь рождалась не в человеческой

глотке, а в медном горне.

Вольга не ответил, лишь сузил глаза, вглядываясь в щель-взгляд. Богатырь повторил, медленнее, растягивая странные, режущие слух звуки, но слова все равно были чужими, гор-танными, будто язык не гнулся так, как подобает речи людской.

Охотник молчал, и в его молчании была вся настороженность дикого зверя, вся мудрость предков, учивших не доверять тому, что пришло извне. Тогда выходец из медного желудя сделал ещё один шаг вперед, плавно поднял руку – и в сыром, тёмном воздухе вспыхнуло нечто. Диво дивное, чудо чудное, перед которым меркли все сказки калик перехожих!

Русич узнал изгибы знакомой речки Полести, очертания моста через неё, свою родную деревню Косицко, будто увиденную с высоты птичьего полёта. Он увидел каждую улочку, каждую кривизну крыш, и даже собственную избу – вот она, стоит на отшибе, с резным сосновым петухом на коньке, который он сам и вырезал мальчишкой. Окрестности были изображены с потрясающей, неестественной точностью, недоступной самому искусному писарю из княжеской дружины.

Только эта карта не была начертана на бересте, не вырезана в дереве или камне, даже не вышита на полотне. Она висела в самом воздухе над ладонью чужака, сотканная из холодного, голубоватого, мерцающего света! Изображение дрожало, живые лучи выхватывали из мрака испуганное ли-

цо Вольги, отражались в его широких зрачках. Это была магия, но не тёплая, живая магия лесных знахарей или вещих жён, а что-то иное, бездушное и совершенное, как лёд в глубоком колодце.

– Нечистая! – вырвалось у него, против воли, скорее стоном, чем криком.

Инстинкт, древний и могучий, взыграл в охотнике мощной волной. Он рванулся назад, спотыкаясь о корни, чувствуя, как сердце колотится, пытаюсь вырваться из груди, как оглушительно громко хрустит под ногами валежник, предательски выдавая бегство. За спиной, сквозь собственный тяжёлый вздох и треск сучьев, раздался ещё один звук – не крик, не проклятие, не слова, а что-то странное, почти жалобное, похожее на шипение остывающего металла.

Но Вольга не обернулся. Не посмел. Лес смыкался за его спиной густой, тёмной стеной, пряча и медную избу, и того, кто из неё вышел, являя тот кошмарный свет и тот образ родного дома, ставшего вдруг чужим и пугающим. Охотник бежал, и только теперь лето вокруг казалось ему враждебным, полным скрытых угроз. А ночь – бесконечно длинной, и конца ей, казалось, не будет вовсе.

Зодаш опустил руку, и призрачное голубоватое свечение карты погасло, растворившись в густом ночном воздухе, буд-то его и не было. Узкая щель визора, на мгновение сверкнув тусклым изумрудным отсветом приборов ночного видения, оставилась в непроглядную темень, поглотившую убе-

гающую фигуру аборигена. Тишина, которую тот нарушал своим бегством, вновь обрушилась на пепелище, но теперь она была иной – нарушенной, заряженной чуждой энергией.

– Ну конечно, как же иначе, – проворчал инопланетянин, и его голос, лишённый фильтра шлема, прозвучал глухо и устало. – Прилетаешь на задворки галактики, а тебя встречают дикари с топорами.

Впрочем, этот ещё оказался крепким. Не закричал, не упал в обморок, как это случалось с аборигенами на планете Ксилон-7. Там от одного вида корабля целое племя склеило лапы. И «ласты» – вовсе не фигурально выражаясь.

Внутри уха, в крошечном импланте, раздался мягкий, почти невесомый щелчок, и безэмоциональный механический голос произнёс:

– Лингвоанализ не может быть завершён. Фонетический образец недостаточен для декодирования. Недостаточно данных для построения матрицы перевода. Рекомендация: найти носителя языка и произвести прямое нейросенсорное сканирование.

– Искренняя благодарность, «Кодекс-9», – ядовито буркнул Зодаш. – А то я сам ни за что не догадался бы, что для общения с туземцем нужен туземец.

Он повернулся к своему кораблю, который теперь лежал раскрытым, подобно гигантской металлической раковине, извергнутой из недр небес. Его обугленные бока дымились, издавая лёгкий запах озона и оплавленного сплава. Внут-

ри, в полумраке, мерцали сотни крошечных огоньков, а голографические панели проецировали сложные трёхмерные схемы, отбрасывая синеватые блики на почерневшую землю.

Аппаратура издавала тихие, ритмичные звуки – щелчки, шипение, едва слышный гул, столь чуждый здешнему гнетущему безмолвию.

– «Кодекс-9», дай финальный отчёт по сканированию, – приказал Зодаш, скрестив руки на груди. – Ты уверен, что этот отброс, Угурум Батлак, скрывается именно в этой... богом забытой дыре?

Из глубины аппарата донесся мелодичный, но безрадостный писк, и перед лицом пришельца в воздухе возникла серия светящихся криптографических символов, сменяющихся стремительными потоками данных.

– Точность координат: 98,7%. Погрешность обусловлена аномалиями магнитного поля и высоким содержанием водяных паров в атмосфере. Биометрический след, обнаруженный в верхних слоях атмосферы, соответствует цели: Угурум Батлак. Вид: др'уул. Объявлен в розыск по ордерам пятнадцати систем. В трёх – заочно приговорен к молекулярной диссоциации.

Космонавт, забыв про шлем, машинально попытался почесать затылок, но упёрся пальцами в твердую скорлупу. Похоже, беглец и вправду где-то здесь, на этом влажном, тёмном, пахнущем гнилью и травой куске камня. Вопрос в том, что забыл этот проходимец на этой... этой...

– «Кодекс-9», напомни, как называется эта планета? – потребовал пришелец, с отвращением стряхивая с сапога ком влажной земли.

– Данная планета не каталогизирована и не внесена в реестры Галактического Адмиралтейства. Ей присвоен предварительный номер Р-648. Данные о названии, используемом аборигенами, обрывочны и могут быть недостоверны ввиду недостатка лингвистических данных. Предположительные варианты перевода: «Почва», «Земля».

– Земля? – переспросил Зодаш.

– С тем же успехом – «Грунт», «Суглинок» или «Грязь», – невозмутимо дополнил ИИ.

– Грязь... – хмыкнул охотник за головами. – Звучит многообещающе. Идеальное место для такого отребья. Дай полный анализ атмосферы. Хочу знать, чем мне предстоит дышать.

Прибор на запястье слабо завибрировал, выпустив серию едва слышных щелчков. В воздухе тут же возникли новые столбцы цифр и графиков.

– Кислород: 21,3%. Азот: 77,1%. Углекислый газ: 0,04%. Аргон, неон, следовые элементы в пределах нормы. Токсины: ниже порога обнаружения. Биологические патогены: присутствуют, но не представляют угрозы для вашей иммунной системы после стандартной вакцинации.

– Серьёзно? – Зодаш скептически прищурился. – Ни сернистых выбросов? Ни частиц тяжёлых металлов? Даже сле-

дов ксенобиологического распада органики?

– Состав атмосферы признан условно-благоприятным для дыхания видов категории В-4. Рекомендация: шлем можно не использовать. Риск отравления: 0,0001%. Вероятность аллергической реакции: 0,003%.

– Драакский друуль! – крепко выругался инопланетянин на своём родном наречии и тут же, по старой привычке, оглянулся, вглядываясь в тёмную чашу.

Не шелохнулось ли что-то в кустах? Не услышал ли кто столь грязных слов?

Удостоверившись, что кроме него и корабля на поляне никого нет, Зодаш с облегчением вздохнул и провёл пальцем по скрытой защёлке на воротнике.

Шлем сжался с тихим шипением, окончательно превратившись в плотный металлический ошейник. Первый глоток местного воздуха обжог лёгкие непривычной свежестью и странным, сложным букетом запахов – влажной земли, хвои, цветущих трав и чего-то далёкого, дымного. Он пах жизнью. Дикой, первозданной и пугающей.

Воздух был свежим. Настолько, что пришелец кашлянул, будто его организм отказывался верить в такую щедрость.

– «Кодекс-9», ты абсолютно уверен, что это не галлюцинация? Может, мы врезались в тот пояс астероидов у сектора Крелла, и я сейчас лежу без сознания в капсуле жизнеобеспечения, а всё это – лишь предсмертный бред моего мозга?

Холодный, безжизненный голос ИИ отозвался мгновенно,

прямо в сознании:

– Биометрические показатели в норме. Неврологическая активность соответствует состоянию бодрствования. Внешние стимулы подтверждаются мультиспектральным сканированием. Поздравляю: вы находитесь на поверхности планеты Р-648, одной из редчайших в обозримой Галактике, чья атмосфера не пытается вас растворить, отравить или подвергнуть мучительной мутации.

– О, как мило с твоей стороны, – проворчал Зодаш. – Твоё чувство юмора, как всегда, остро, как тупой нож.

Он вдохнул ещё раз, уже глубже, заставляя свои лёгкие, привыкшие к стерильному воздуху рециркуляторов, работать в полную силу. И пришельца поразило не отсутствие едких примесей, а само обилие запахов. Они обрушились на него волной – тяжёлая, влажная сырость преющих листьев, горьковатая свежесть хвои, далёкий, но узнаваемый запах дыма из человеческого жилья, что-то сладковатое, цветочное, и... что-то ещё.

Что-то неуловимое, отчего в носу приятно щекотало, а в глубине памяти шевельнулись давно похороненные обрывки воспоминаний с родной Каальтухи, с планеты, которую космонавт покинул ребёнком. Запах жизни, не укрощённой и не упакованной в саркофаги городов-куполов.

– «Кодекс-9», – охотник мысленно выделил строку в проецируемом перед ним анализе. – Что это за органический компонент? Этот... сложный букет.

– Преобладают летучие органические соединения растительного происхождения. Преимущественно – терпены. Пинены, лимонен, камфен.

– Переведи на каальтуханский, а не на язык учебника по химии, – нетерпеливо потребовал Зодаш.

Короткая пауза.

– Запах леса. Смолы, сочащейся из коры. Хвои, прогретой днём и остывающей ночью. Дёгтя. Деревя, мха и влажной земли. Аромат, ассоциирующийся с примитивной биосферой.

Космонавт задумался, глядя в тёмную стену чаши.

– То есть... это нормально? Для них?

– Для планет с низким уровнем технологического развития – да. На цивилизованных мирах подобный состав атмосферы обычно уничтожается промышленными выбросами в первые столетия технологической эры. Здесь этот процесс ещё не начался.

– Хм, – фыркнул пришелец. – Ты хочешь сказать, что эти дикари настолько отсталые, что даже не успели отравить собственную колыбель?

– Вывод верен. Уровень загрязнения атмосферы близок к фоновому, природному.

– Вот же недоумки, – тихо, но с неожиданной долей зависти расхохотался инопланетянин.

Он размял плечи, оглядываясь. Ветер шевелил верхушки деревьев, и странно, почти неприлично было осознавать, что

этот ветер можно вдыхать полной грудью, без фильтров, без страха.

– Ладно, хватит отдыхать, – Зодаш потрогал ошейник на шее. – Пора работать. Включай протокол маскировки. Полная интеграция.

Из раскрытого «желудя» бесшумно выскользнул и поплыл по воздуху небольшой сфероид – модуль камуфляжа. Он завис перед охотником, и тонкие лазерные лучи очертили его фигуру. Затем сфероид рассыпался на мириады наноботов, которые живым серебристым потоком облепили космонавта.

Материал задрожал, заструился, затем потемнел, изменил текстуру, покрылся искусственными потертостями, трещинами, плёнками высохшей грязи и даже легкими, едва заметными штрихами, имитирующими плесень. За считанные секунды его гладкий, чёрный доспех превратился в потрёпанную, выдающую виды кожаную броню с железными заклепками, какие, поди, носили здешние наёмники или дружинники.

Шлем окончательно свернулся в простой металлический обруч на шее. Тяжелый штурмовой бластер за спиной сжался, изогнулся, и его формы накрылись голограммой, пока он не стал походить на туго согнутый, сложный лук из тёмного дерева и рога. А на поясе вместо рукояти энергетического клинка теперь висела обычная, на первый взгляд, рукоять меча с длинным черным клинком, похожим на изделие из булатной стали.

– Ну? Как я выгляжу? – спросил Зодаш, окидывая взглядом свои новые «доспехи».

– Как типичный представитель местной популяции с отклонением в 23,4%, – безразлично констатировал ИИ. – Рекомендую изменить причёску. Длинные волосы и борода являются доминирующим признаком мужской особи в данной культуре.

На лице пришельца, обрамлѐнном короткими, практичными волосами, мелькнула гримаса.

– Забудь. Я не буду отращивать антисанитарный веник ради нескольких процентов эффективности.

– Как знаете. Тогда вероятность быть опознанным как чужак или колдун возрастает на 7,3%. Согласно проанализированным фольклорным данным, местная культура предполагает сожжение подозрительных личностей на кострах.

– Безмерно благодарен за это душевное уточнение, «Кодекс-9», – скрипнул зубами инопланетянин. Он потрогал лубяной кошель на поясе, в который был замаскирован сканер. Тот отозвался тихим, утробным писком, понятным только ему. Всё было готово.

– Координаты деревни?

В воздухе вспыхнула знакомая голограмма – та самая карта, что звездный путешественник показывал дикарю. Теперь он мог разглядеть детали: извилистую, как змея, ленту реки, частокол, выглядевший с этой высоты игрушечным, и несколько десятков приземистых крыш, утопающих в зеле-

ни.

Карта дышала, на ней пульсировали крошечные огоньки – тепловые сигнатуры.

– И сколько идти?

– Семь стандартных единиц, – отчеканил «Кодекс-9». – По пути настоятельно рекомендую собрать образцы местной флоры. Биохимический состав растений этой планеты аномален и может представлять значительный интерес для...

– Нет, – отрезал Зодаш, уже делая первый шаг вперёд.

Его «новые» сапоги глухо шлёпнули по влажной земле.

– Но предписания Адмиралтейства...

– Я сказал – нет. Мы здесь не для составления гербария.

Мы здесь на охоте.

Он шагнул вперёд, и под ногой с тихим, предательски громким хрустом сломалась сухая ветка. Звук показался пущечным выстрелом в гробовой тишине. Лес, всего несколько минут назад наполненный шепотом листьев и стрекотом невидимых насекомых, теперь замер в напряжённом, насто-рожённом молчании.

Но где-то впереди, за сплошной стеной вековых стволов, уже ждала деревня. И кто-то, кто мог говорить на языке этого мира и чей разум можно было вскрыть, как спелый плод.

Деревья расступались перед космонавтом неохотно, будто древние стражи, не желающие выпускать чужака из своих владений. Колючие лапы елей цеплялись за его доспехи, шепча что-то на тайном языке шорохов и треска, а ветви бе-

рѐз, словно бледные призраки, заглядывали в лицо.

Но охотник шѐл уверенно, не сбавляя шага, а сканер на поясе, замаскированный под лубяной кошель, тихо пощёлкивал и пищал, отмечая каждое движение, каждый биологический след, заносая в память карту местности.

– «Кодекс-9», сколько осталось? – откинув очередную ветку, мысленно спросил он.

– Три с половиной стандартных единицы. Вы приближаетесь к водному препятствию.

– Водному... А, вот и она, – пробормотал инопланетянин. Лес внезапно оборвался, уступив место узкой, но быстрой и своенравной реке. Вода в ней была тѐмной, почти чѐрной, словно впитавшей в себя все тени и все тайны этих дремучих мест, и несла на своей поверхности пенистый кружевной узор из опавших листьев и пузырей воздуха.

Чуть поодаль, перекинутый с одного берега на другой, виднелся мост – грубый, сколоченный из толстых, неотёсанных брёвен, но выглядевший на удивление крепким и надёжным. Зодаш прищурился. Его глаза, привыкшие к любому виду камуфляжа, мгновенно оценили обстановку.

– И кто-то ещё пользуется этим мостом, да? – констатировал охотник, заметив свежие следы на влажной земле у схода.

– Следы свежие. Принадлежат местным гуманоидам. Вероятность встречи в ближайшие четверть хронологической единицы: 34%.

– Замечательно, – без тени радости произнёс космический странник.

Он ступил на натоптанный грунт у начала моста, а затем и на само сооружение. Массивные брёвна под ногами инопланетянина слегка, почти незаметно прогнулись, издав негромкий, но выразительный скрип, который, казалось, разнесётся по всей округе и спугнёт всё живое. Но вокруг по-прежнему царила неестественная тишина – даже птицы не нарушали её. Лишь вода булькала и журчала под мостом, словно вела настойчивый, непонятный разговор сама с собой.

На самой середине моста Зодаш остановился. Порыв ветра донёс до него устойчивый, сложный запах – не дым костра, а запах множества печей, запах жизни человеческого поселения: тлённой золы, горящего берёстового луба, кисловатого хлебного кваса и томлёной в печи репы. Деревня была близко.

– «Кодекс-9», сканируй окрестности на полную мощность. Есть ли признаки засады? Скрытые наблюдатели?

– Никаких признаков организованного сопротивления или целенаправленного наблюдения, – доложил ИИ. – Однако настоятельно рекомендую соблюдать повышенную осторожность. Поведенческие паттерны местных аборигенов плохо предсказуемы. Они могут быть... излишне впечатлительными и реагировать неадекватно.

– О, огромное спасибо за это ценнейшее напоминание, – ядовито проворчал охотник. – А то я уже было начал забы-

вать, как меня чуть не приняли за лесную нечисть и не попытались прибить топором.

Он сошёл с моста на тропу, явно вытопанную множеством ног, и направился к частоколу, который теперь чётко вырисовывался меж стволов деревьев. Высокие, заострённые и обожжённые на огне колья, перевязанные крепким лыком, выглядели угрожающе и говорили о том, что обитатели этого места не чувствуют себя здесь в полной безопасности.

Эта стена была защитой от диких зверей. Или от таких, как он. Охотников. Чужаков. Пришельцев.

Глава 2

Частокол, издали казавшийся грозным укреплением, вблизи предстал скрипучим и покосившимся, потемневшим от дождей и времени. Ворота, представлявшие собой просто две подвижные секции из жердей, были распахнуты настежь, а у входа, на обрубке дерева, подставив морщинистое лицо под редкие лучи солнца, дремал стражник – древний старик с седой, пышной бородой, обмотанной вокруг шеи, словно шарф. Он даже не шевельнулся, когда инопланетянин бесшумно проскользнул внутрь, лишь во сне тихо пробормотал что-то невнятное.

Пробираясь меж низких изб, крытых дёрном, Зодаш замер на мгновение, наблюдая за мужиком, могучим, как лесной медведь, который с голым по пояс загорелым торсом орудовал топором с длинной рукоятью, раскалывая гигантские плахи. Движения его были точными и выверенными.

Размеренный взмах – чистый, безошибочный удар – и полено с тихим вздохом раскалывалось на две идеальные половинки. На развитых мирах, в его мире, тепло добывали квантовые генераторы и термоядерные мини-реакторы. Искусство превращения древесины в топливо было утрачено, забыто, как пещерная живопись.

Здесь же это было повседневным, почти священным дей-

ством, требующим силы, сноровки и знания дерева. Это было... примитивно, но впечатляюще.

«Кодекс-9» тихо пискнул в ухо, выводя охотника из раздумий:

– Точка скопления биосигнатур: пять сотых стандартных единиц прямо, затем налево. Акустический анализ указывает на повышенный уровень шума и высокую вероятность употребления ферментированных алкогольных напитков.

– Блестящее наблюдение, – усмехнулся про себя Зодаш. – Сказал бы прямо: «здесь буянят пьяные дикари».

Над указанной постройкой, больше похожей на большую, приземистую избу с крошечными оконцами-глазницами, красовалась грубая деревянная вывеска. На ней был криво выжжен медведь, вставший на дыбы, и нацарапаны странные, угловатые письмена.

Внутри пахло дымом, кислым хлебом, чем-то забродившим и немытыми телами. Дым от горелой лучины висел в воздухе сизой, едкой пеленой, застилая низкие потолочные балки. В полумраке копошились смутные тени, и с первого взгляда было трудно разобрать, где кончаются мохнатые собаки у ног и начинаются такие же мохнатые люди.

Зодаш выбрал столик в самом тёмном углу, где свет от глиняного светца почти не доставал, и уселся на грубую лавку, стараясь не издавать лишних звуков. Именно тут его и осенило: бросив беглый взгляд вокруг, пришелец с неприятной ясностью осознал, что все мужчины в этом заведении –

от юнцов до древних стариков – были поголовно волосаты и бородаты.

Бороды были разными – густыми и жидкими, окладистыми и клиновидными, седыми и чёрными, – но они были у всех. Они были таким же естественным атрибутом, как рубаха или порты.

Его же собственное чисто выбритое лицо и короткая, практичная стрижка, обычные для любого галактического скитальца, делали инопланетянина белой вороной, странным уродец, чужаком, чья гладкая физиономия бросалась в глаза, как сигнальный огонь.

– Начинаю лингвистический сбор данных, – прошептал «Кодекс-9». – Совет: не привлекайте внимание. Ваш вид уже вызвал девять взглядов, из них пять – откровенно подозрительные.

– Невероятно утешительно, – пробормотал Зодаш, опуская голову и делая вид, что разглядывает трещины в столешнице.

Охотник сидел в углу, стараясь раствориться в тених, когда к его столу грузно опустилась массивная фигура. Это был здоровяк с бородой, напоминающей разлохмаченный веник, и руками толщиной с бревна. Человек пристально, исподлобья посмотрел на незнакомца, скрестив на груди руки.

– Ты чей будешь, парень? – спросил он, ткнув толстым пальцем в грудь пришельца. – Сказывай, к какому роду-племени причислен?

Космонавт молчал, напряжённо следя за каждым движением собеседника, мысленно вычисляя точки уязвимости. В ухе настойчиво пищал «Кодекс-9»:

– Лингвистический анализ: 78%... 83%... Продолжайте слушать.

– Аль ты немой? – бородач нахмурился, и его густые брови сомкнулись в одну сплошную черту. – Иль не по-нашему говоришь? Словно варяг какой, аль немчин незнаемый...

Он наклонился ближе, и охотник почувствовал, как его пальцы инстинктивно сжимаются в кулак, готовый к удару. В голове мелькнула мысль о том, что маскировка под местного явно провалилась – его выдали не доспехи, а собственное, слишком ухоженное лицо.

– Анализ завершен. Базовый перевод доступен, – наконец сообщил ИИ.

– Я... – начал инопланетянин, осторожно подбирая слова, которые теперь всплывали в сознании, будто из глубины памяти, звуча чужими и неуклюжими. – Я... путник. Странник.

Русич фыркнул, и его борода затряслась.

– Все вы путники, покуда не спросишь! – он обвёл рукой вокруг, указывая на всю гудевшую питейную залу. – А потом оказывается, и отец твой известен, и дед, и все роды до седьмого колена! Нет, ты сказывай, откуда ноги растут!

Собеседник махнул рукой, и через мгновение перед Зодашем появилась громадная глиняная кружка, из которой пах-

ло чем-то хмельным и терпким.

– Ну, раз не немой – выпей за здоровье Ратибора! Моё имя. Выпей, да и расскажешь потом, с какой стороны свет на тебя упал.

Пришелец осторожно пригубил. На вкус это было сладко, обжигающе и отдавало чем-то вроде перебродившего мёда, дыма и тёмного, сырого хлеба.

– Любо? – прищурился Ратибор, внимательно следя за реакцией чужака.

– Любо, – прохрипел Зодаш, ощущая, как странный напиток волной жара растекается по жилам, согревая изнутри.

Голова слегка закружилась – местный алкоголь оказался крепче, чем ожидалось.

– Вот все вы, немые, такие! – бородач хлопнул его по плечу так, что скамья под пришельцем опасно скрипнула, а в броне пискнули датчики перегрузки. – До тех пор немые, пока выпить не предложат! Прямо как мой шурин с Ильменя!

Инопланетянин едва не поперхнулся, но кивнул, стараясь изобразить понимание и даже натянутую улыбку.

– Спасибо за угощение, – пробормотал он, мысленно благодаря «Кодекс-9» за своевременную помощь.

– А теперь рассказывай, без обиняков, – новый знакомый придвинулся ближе, и в его маленьких, хитрых глазах, похожих на две щелочки в густой щетине, загорелся неподдельный интерес. – Тебя как звать-то величать? И откуда принесло в землю Новгородскую?

Охотник почувствовал, как под маскировочным слоем доспехов дрогнули его нервы. Ратибор пристально смотрел на него, ожидая ответа, и вокруг уже начинали прислушиваться другие посетители.

«Кодекс-9» тихо щёлкнул, подсказывая:

– Рекомендую адаптировать имя для местного восприятия. Фонетический анализ: наиболее близкий перевод вашего имени Зодаш – «Черносвет».

– Я... Черносвет, – произнёс пришелец, стараясь вложить в голос уверенность, хотя звучало это для него дико и неестественно. – Странник я из... дальних земель. Очень дальних.

Мужик хмыкнул, задумчиво почесал свою лохматую бороду и отхлебнул из своей кружки.

– Черносвет, говоришь? Ну, имя как имя. Хотя... не слышал я таких у наших. – Он прищурился ещё сильнее, вглядываясь в черты лица Зодаша. – Ты не печенег часом? У них имена тоже вычурные.

– Печенег? – космический скиталец уловил новое слово, и имплант тут же выдал справку: кочевой народ, степняки, частые набег. – Нет, я не из них. Мои земли... за многими морями.

– То-то же, – Ратибор удовлетворённо крякнул. – А то у них имена – тьфу, словно ветром нанесённые! То ли дело наши: Святогор, Добрыня, Вольга... Кстати! Насчёт Вольги! – бородач, понизил голос до хриплого шёпота, оглядываясь по сторонам, будто боялся, что его услышат незримые уши. –

Этой ночью он прибежал сюда, белый как смерть, весь дрожит, словно осиновый лист на ветру. Кричит: «Нечисть в лесу за рекой! Из железа да меди!»

Черносвет наклонился чуть ближе, делая вид, что заинтересован, но его разум уже анализировал информацию с бешеной скоростью. Нечисть? Значит, Вольга – тот самый дикарь с топором – успел добраться до деревни и поднять тревогу. Это серьёзно осложняло все планы.

– И что же он, говоришь, видел? – спросил пришелец, стараясь звучать как можно более естественно, подражая горланной речи местных.

Ратибор хмыкнул, снова отпивая из кружки, и тёмная жидкость оставила на его усах влажный блеск.

– Да кто его знает, что ему померещилось! Мелет что-то несусветное про огненную избу, свалившуюся с неба, про медного великана, что выше самой высокой сосны. Говорит, будто сама ночь разверзлась, а из чрева её вышло нечто, дышащее паром да холодом, – он махнул рукой, словно отгоняя надоедливую муху. – Ну, Вольга – известная пьянь, ему и не такое привидится после доброй бражки... да и откуда в нашей земле нечисти взяться? Ещё покойный князь Игорь Старый, отец нынешнего Святослава, всю нечисть перевёл! Так что не бойся, Черносвет, не заржавеет тут твоя голова на плечах.

– Слушай, хм... дорогой друг, – осторожно начал охотник, понизив голос до доверительного шёпота. – А не слышал ли

ты тут, в округе, о таком, кто называет себя... Угурум Батлак?

Собеседник задумался, с шумом почесав свою веникообразную бороду, отчего в воздух поднялось облачко пыли, и буркнул с недоверием:

– Угурум Батлак? Да это ж чисто печенежское прозвище, слышал я такие! Ну, ясное дело – «Угурум» у окаянных значит «проклятый», а «Батлак» – «лихой» либо «воровской». Так что коли такого ищешь, так он точно из степи, гад ползучий! Аль тебе с ним дела есть?

– Да что ж ты за человек такой, что везде тебе печенег мерещатся! – воскликнул инопланетянин с наигранным возмущением, разводя руками.

– А чего это ты печенегов защищать вздумал, а? – бородач прищурился, и его маленькие глазки сверкнули подозрительно. – Может, сам печенег? Брешешь, что с севера, а сам из степей прокрался, соглядаешь?

– Да не печенег я! Клянусь... – Зодаш запнулся, подбирая подходящую клятву, – клянусь молотом Тора! Я... я – варяг!

– Из варягов, значит... – бородач медленно кивнул, и на его лице расплылась хитрая ухмылка. – Ну, это мы сейчас проверим! Эй, Богдан! Тащи-ка сюда ту самую чарку, большую!

Трактирщик Богдан, грузный мужчина с лицом, напоминающим румяный каравай, неспешно подошёл к столу, держа в своих пухлых пальцах огромную, почерневшую от вре-

мени чарку.

Деревянный сосуд был размером с небольшую тыкву, опоясанный медными обручами, а медовуха в нём плескалась густая, тёмная, как осенняя смола, и пахла хмелем, воском и густым летним луговым мёдом с горьковатой ноткой дыма.

– Вот, – буркнул Богдан, с грохотом ставя чарку перед Черносветом.

Дерево глухо стукнуло о дубовую столешницу, и несколько мужиков за соседними столами обернулись на звук, заинтересованно притихнув.

– Испытание варяжское. Кто до дна её выпьет, не моргнув глазом, – тот и варяг сущий. А кто не сможет, коли запнётся либо лицом скривится... – Ратибор многозначительно посмотрел на пришельца, и в его мутных глазах мелькнуло что-то вроде жестокого азарта. – Тот, значит, не наш. Тот – печенег окаянный аль немчин лукавый! Быть тому плетью поротым!

Зодаш медленно провёл взглядом по чарке, затем по лицам окружающих, замерших в ожидании. В ухе тихо щёлкнул «Кодекс-9»:

– Локальный обычай. Алкогольный тест на принадлежность к социальной группе. Варяги, судя по всему, имеют высокую толерантность к этанолу. Совет: если выпьете – получите временное доверие. Если откажетесь – подозрения усилятся до критического уровня. Предупреждение: биохимический состав напитка не изучен. Возможны непредска-

зубные побочные эффекты.

– Ну что, Черносвет, али как там тебя на самом деле величают, – усмехнулся бородач. – Покажешь нам свою варяжскую кровь? Иль признаешься, что печенежишь?

В трактире воцарилась гробовая тишина. Даже пьяные шуты у очага притихли, наблюдая, затаив дыхание. Охотник почувствовал, как десятки любопытных и подозрительных глаз впиваются в него, словно копыя.

«Отказ сейчас – худший из возможных вариантов», – холодно пронеслось в голове.

Он взял чарку обеими руками, почувствовав её солидную тяжесть, поднял высоко и громко, на весь трактир, объявил, стараясь вложить в голос удаль, которой не чувствовал:

– За ваше здоровье, добрые люди! Пусть щит ваш будет крепок, а меч – остёр!

И начал пить.

Первый же глоток обжег горло, словно жидкий огонь, ударив в голову. Медовуха была невероятно крепкой, сладкой, но с горьковатым послевкусием полыни и каких-то незнакомых кореньев.

Второй глоток дался чуть легче, третий – уже почти без сопротивления, но живот наполнялся тяжёлым, хмельным жаром.

– «Кодекс-9», – мысленно позвал космонавт, чувствуя, как темнеет в глазах. – Сканируй состояние организма. Если я сейчас отравлюсь – хотя бы успеешь записать мои послед-

ние слова?

– Пока все показатели в пределах допустимого для вашего вида. Сердечный ритм учащён, давление повышается. Настоятельно рекомендую прекратить. Ваша печень не рассчитана на такие токсические нагрузки.

Но остановиться было уже нельзя. Собрав всю волю в кулак, Черносвет опустошил чарку до самого дна, с силой поставил её на стол, с трудом сдерживая подступающую тошноту, и хрипло, с вызовом произнёс, глядя в глаза Ратибору:

– Ну? Что теперь скажешь, друг любезный? Печенег я, али варяг?

Бородач замер на секунду, вперив в пришельца изучающий взгляд, а затем громовым раскатом расхохотался – от самого нутра, так что задрались к потолку усы и задрожала медная пряжка на ремне.

– Любо, братец! – выдохнул он, и снова хлопнул Зодаша по спине так, что тот едва не рухнул лицом в липкую от разлитого хмельного столешницу. – Да ты ж, выходит, и впрямь варяг суший! Не из робкого десятка!

Трактир взорвался гомоном, смехом и одобрительными возгласами. Кто-то крикнул: «Налить ему ещё, чтоб не засыхал!», а Ратибор, ухмыляясь во всю бороду, уже тянулся за глиняным кувшином, чтобы наполнить опустевшую чарку.

– Поздравляю, – сухо заметил «Кодекс-9». – Вы только что заслужили доверие этой примитивной социальной группы, добровольно сократив срок функционирования печени

приблизительно на 0,3 стандартных цикла.

– Заткнись, – мысленно проворчал охотник, но на его лице расплылась широкая, немного неестественная улыбка, обращённая к собравшимся.

И началась та самая, исконная, безудержная пьянка. Кабак гудел, словно потревоженный улей перед грозой: тяжёлые кружки звенели, ударяясь друг о друга, застольные песни гремели под самые закопчённые балки, а подвыпившие мужики пускались в дикую пляску, топая так, что дрожали половицы и звенела посуда на полках.

Черносвет сидел в самом эпицентре этого разудалого хаоса, стараясь не отставать от местных, но с каждым новым глотком обжигающей, как расплавленный металл, медовухи мир вокруг становился всё более расплывчатым, звуки – приглушёнными, а лица – просто пятнами цвета.

– Эй, варяг! – проревел кто-то из толпы, парень с разбитой губой и безумным блеском в глазах. – А ну, покажи-ка нам, как у вас там, на студёных морях, пляшут! Дай глянуть на заморскую удаль!

Зодаш попытался встать, опершись о стол, но ноги вдруг стали ватными, непослушными, будто чужими.

– «Кодекс-9», что со мной?! – панически запросил он.

– Этанол достиг критической концентрации в крови. Нейромышечная координация серьезно нарушена. Настоятельно рекомендую прекратить потребление и вызвать детоксикацию.

– Сейча-а-ас... покажу-у... – с трудом выговорил инопланетянин, делая неуверенный, заплетающийся шаг вперёд – и тут же споткнулся о чью-то растянувшуюся на полу грубую ступню.

Собравшиеся разразились оглушительным, раскатистым хохотом.

– Да ты, видать, не варяг, а морской тюлень! – заржал Ратибор, ловко подхватывая его под руку и удерживая от падения. – Иль тебя море так покачало, что земля под ногами ходит ходуном?

Пьянка гремела, как весенняя буря в ночи. Лились разудалые песни, а ноги сами пускались в пляс, даже когда голова уже окончательно отказывалась слушаться. Черносвет, или, вернее, то, что от него осталось, силился удержаться на шаткой лавке, но мир вокруг плыл, кружился и раскачивался, как дым от печи.

– Эй, варяг! – кто-то толкнул чужеземца в бок здоровенным кулаком. – А ну, спой нам про свои северные моря, про льды да про ладьи быстролетные! Дай послушать варяжскую песню!

Голос «Кодекса-9» в ухе звучал всё тише и дальше, словно тонул в густой хмельной волне:

– Уровень интоксикации критический. Угроза организму. Рекомендую прекратить... немедленно...

– Заткнись... – с трудом выжал из себя Черносвет и, подняв дрожащую руку, затянул что-то, что в его спутанном со-

знании должно было быть величественной песней о космических странствиях, о звёздных ветрах и далёких туманностях.

Но вместо эпической саги из его пересохшего горла вырвался лишь хриплый, сдавленный вопль, больше похожий на крик раненого морского зверя.

– Ну и голосок! – залился хохотом Ратибор, вытирая слёзы рукавом. – Да ты, видать, и впрямь не варяг, а русалка подвыпившая, из тех, что на дне речном сидят! Или тебе медведь на ухо наступил?

Последнее, что смутно помнил звездный странник – это как он снова попытался встать, чтобы доказать обратное, но вместо твёрдых половиц под ногами оказалась пустота, и весь этот шумный, пьяный мир стремительно поплыл куда-то в сторону, навстречу липкому, беспамятному мраку.

Очнулся Зодаш от того, что что-то большое, тёплое и на удивление мокрое тыкалось ему в щёку, издавая при этом довольное сопение.

– Уходи... – прохрипел Черносвет, с трудом отрывая голову от земли и бессильно отмахиваясь. – Отстань...

– Му-у-у, – раздался спокойный, бархатистый ответ прямо над ухом.

Инопланетянин с усилием приоткрыл один залитый свинцовой тяжестью глаз. Над ним, заслоняя хмурое утреннее небо, склонилась голова коровы. Не просто коровы – а коровы с умными, карими глазами, в которых читалось явное,

почти философское презрение ко всему существу. Она фыркнула, брызнув ему в лицо струйкой тёплой, пахнувшей свежей травой слюны, и неспешно, с королевским достоинством удалилась, громко шлёпая копытами по лужам.

Космический охотник лежал в холодной, грязной луже у самых задворок трактира, откуда доносился кислый запах забродивших остатков вчерашнего пира. Голова раскалывалась на тысячи острых осколков, каждый удар сердца отдавался в висках гулкой, мучительной болью. Во рту было сухо и горько, словно он наглотался пепла от костра, а всё тело ныло и болело так, будто его переехал не космический крейсер, а целый галактический флот.

Но это было ещё не самое страшное. Самое страшное, леденящее душу осознание пришло к пришельцу, когда он попытался пошевелиться и с ужасом понял, что его тело ничего не сковывает. Оно было непривычно легким... и беззащитным.

Брони не было. Той самой, высокотехнологичной, с системой жизнеобеспечения и активным камуфляжем. Кошеля-сканера на поясе – тоже. Только порванные завязки. Даже простого фонарика за поясом не осталось.

Зодаша обобрали до нитки, оставив в одной потрёпанной, пропахшей дымом и блевотиной рубаше и портах.

– «Кодекс-9»? – хрипло, едва слышно позвал космонавт, уже предчувствуя ответ.

Тишина. Ни привычного щелчка, ни холодного голоса в

импланте.

– «Кодекс-9»! – уже громче, с проступающей паникой.

Никакого ответа. Только кукареканье петуха где-то вдали, звучавшее язвительной насмешкой. Черносвет с нечеловеческим усилием поднялся, опираясь на шершавые, намокшие от росы брёвна стены трактира, и осмотрелся.

Утро было серым и хмурым, низкое небо затянули сплошные свинцовые тучи, с которых моросил мелкий, противный дождь. Где-то на краю деревни кукарекал тот самый петух, будто специально выводил трели над его несчастьем.

И тут охотника охватила новая, всепоглощающая волна ужаса. Его технологии... его броня, сканер, коммуникатор, оружие – всё это теперь было где-то здесь. В руках у этих дикарей! Они могли разломать, сжечь, принести в жертву своим богам...

Или, что ещё страшнее, – каким-то чудом активировать. Последствия были немислимыми. Один только импульсный генератор в сердце брони, будучи неправильно вскрытым, мог стереть с лица земли полдеревни.

– Отлично... – прошептал Зодаш, и его голос сорвался в надтреснутый шепот. – Просто замечательно.

Без сканера, без связи, без брони. Даже шлема-ошейника не осталось. Всё, что у него было – это потрёпанная одежда, пустота в карманах и свинцовая тяжесть похмелья в каждой клетке.

И где-то в этой проклятой деревне – бородатый здоровяк,

который назвал его печенегом и, возможно, сейчас тыкает в высокотехнологичную композитную броню палкой.

И где-то в этих дремучих, бескрайних лесах – беглец Угурум Батлак.

И где-то далеко, в холодной пустоте космоса – адмиралтейский флот, который когда-нибудь, через месяцы, а то и годы, может быть, пришлёт спасательную капсулу.

Но пока что инопланетянин был здесь. Безоружный. Голый. Один. И с коровой, которая, судя по всему, считала его законченным неудачником и уже возвращалась, давясь тихим, коровьим смехом.

– Ну что ж... – Черносвет глубоко, со свистом вздохнул, пытаясь собрать волю в кулак. – Похоже, придётся выкручиваться по-местному.

Он сделал первый шаг вперёд, в сторону неясной цели – и тут же, споткнувшись о собственные непослушные ноги, едва не рухнул обратно в лужу.

Корова с другого конца улицы снова громко и издевательски фыркнула.

Глава 3

Кое-как очухавшись, собрав волю в кулак и подавив тошноту, Зодаш направился туда, откуда доносились смутные отголоски вчерашнего кошмара – к трактиру.

Пошатываясь, он толкнул скрипучую дверь и переступил порог. Первое, что бросилось в глаза в полумраке, пропахшем кислым хмелем и блевотиной – это фигура Богдана. Трактирщик вытирал глиняные кружки тряпкой, которая выглядела настолько грязной и засаленной, что казалась темнее, чем днище космического грузовика после десятилетнего рейса через пылевые туманности.

Он поднял тяжёлый, налитый свинцом усталости взгляд, и в его глазах мелькнуло что-то среднее между брезгливым презрением и откровенным злорадством.

– А, варяг наш очухался, – оскалился мужик. – Или как тебя там величать-то... Чернослив, что ли?

– Черносвет, – сквозь стиснутые зубы, едва сдерживая ярость, поправил пришелец, чувствуя, как от каждого звука в его раскалывающейся голове отдаётся боль.

– Ну да, ну да, – Богдан махнул рукой, демонстрируя полное безразличие к имени. – Главное – заплати сперва. А там хоть Свет, хоть Тьма зовись.

– За что? – космонавт нахмурился, и это движение бровей

вызвало новую волну боли.

– А за всё, милоч, – трактирщик широко ухмыльнулся, обнажив желтые зубы. – За выпивку, что рекой лилась. За ночлег, хоть он и у коровы был. За то, что тебя не выкинули волкам на съедение, а оставили досыхать на солнышке, как порядочного.

– Я ничего не заказывал! – возмутился Зодаш, чувствуя, как гнев начинает пересиливать похмельную слабость.

– А Ратибор за тебя заказывал, – невозмутимо парировал Богдан. – И наказал мне: «Пусть варяг, коли он настоящий, за всё платит сполна». Его слова, не мои.

Черносвет почувствовал, как в висках застучал молот, а в груди закипела ярость. Он сделал глубокий вдох, пытаясь взять себя в руки.

– Где мои вещи? – спросил охотник, стараясь говорить спокойно и размеренно, но в голосе уже змеилась холодная, опасная сталь.

Мужик усмехнулся, с размаху бросив вонючую тряпку на стойку.

– Какие ещё вещи, милоч? Ты вчера пришёл к нам как есть – в чём мать родила, почти что. Разве что... – он притворно задумался, почесав затылок, – ах да, был у тебя на поясе кошель какой-то, лубяной. Пустой, к слову. Больше ничего и не припомню.

– Не кошель, – прошипел инопланетянин, делая шаг вперёд.

Его пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

– Броня. Кожаная, со стальными вставками. Оружие. Меч.

И обруч на шее. Где они?

Лицо Богдана вдруг просветлело.

– О-о-о, – протянул он, многозначительно кивая, – так ты ещё и воин, значит! Ну, раз воин, а не просто пьяница забубённый – тем паче должен платить по счетам сполна. Военская честь обязывает.

В этот момент из-за засаленной занавески в дальнем, тёмном углу трактира вышли двое – здоровенные, бородатые мужчины с лицами, не отягощенными интеллектом. Один лениво почесывал живот, другой громко зевнул, демонстрируя отсутствие передних зубов. Они молча встали по обе стороны от Богдана, поигрывая желваками.

– Вот что, – Чернсвет инстинктивно сделал шаг назад, молниеносно оценивая обстановку и рассчитывая шансы. – Я не хочу проблем. Ни с тобой, ни с твоими... друзьями. Просто верните мои вещи – и я тихо, мирно уйду и больше никогда не напому о себе.

– А мы и не хотим проблем, – передразнил его Богдан, и его голос стал тише, но опаснее. – Мы люди мирные, торговые. Просто заплати долг – серебром, железом, чем хочешь – и мы тебя с миром отпустим. Куда хочешь. Хоть к печенегам, хоть к самому Перуну в терем.

Первый здоровяк, тот что почесывал живот, двинулся к чужаку тяжёлой, уверенной походкой. Он был на голову вы-

ше Зодаша и раза в полтора шире в плечах.

– Слышь, варяжик, – сипло произнёс громила, и от его дыхания пахло луком и хмелем. – Давай-ка без драки, а? Ты же парень умный, видно сразу, да? Чего нам рукомахаться-то...

– Умнее тебя буду, – с мрачной усмешкой согласился охотник, чувствуя, как адреналин понемногу прогоняет похмельную слабость, заостря чувства.

И, не дожидаясь ответа, он нанёс удар. Короткий, точный, в солнечное сплетение. Кулак, хоть и не защищённый перчаткой брони, вонзился в мягкую плоть со всей силой, на которую был способен.

Здоровяк сложился пополам, как подкошенный, глаза его полезли на лоб, полные немого непонимания и боли, а изо рта вырвался странный, прерывистый звук, напоминающий лопнувший мех с квасом. Он рухнул на колени, захлёбываясь воздухом.

Второй мужик замер на секунду, явно не ожидая такой дикой прыти от вчерашнего «пьяного тюленя», но быстро опомнился. С низким рёвом, больше звериным, чем человеческим, он ринулся в бой, пытаясь схватить пришельца в медвежьих объятия.

Черносвету отчаянно не хватало его обычной молниеносной реакции – тело было тяжёлым, мышцы одеревеневшими, а мир всё ещё плыл перед глазами – но годы изматывающих тренировок на тренажёрах с повышенной гравитацией и бесчисленные схватки на самых отдалённых планетах дали

о себе знать.

Космонавт не силой брал, а точностью.

Он уклонился от неуклюжего, но мощного удара, пропустив кулак размером с окорок у самого виска, поймал занесённую руку противника, резко дёрнул на себя, подставил подножку – и использовал его же собственную инерцию.

Тот с оглушительным грохотом рухнул на липкие половицы, зацепив по пути грубый стол и опрокинув на себя кружку с остатками вчерашней медовухи. По трактиру поплыл едкий запах перебродившего мёда и гнева.

Богдан ахнул, отшатнувшись за стойку. Его глаза стали круглыми, как монеты.

– Да ты... Да как ты посмел... Да я тебя...

– Где. Мои. Вещи. – Черносвет подошёл к мужику вплотную.

Голос инопланетянина был тихим, низким, и в нём не было ни капли прежней слабости. Только холодная, неумолимая сталь. Трактирщик отступил, наткнувшись на полки с посудой, которая зазвенела тревожным перезвоном.

– Клянусь Перуном, Велесом, всеми богами! – залепетал он, крестясь. – Не знаю я! Ратибор их забрал!

– Куда? – один только этот вопрос прозвучал как удар хлыста.

– Да кто его знает, куда этот боровик ломится! В лес, наверное, на промысел! Я ему не хозяин, не спрашивает он меня! Клянусь!

Зодаш пристально посмотрел на Богдана, ища ложь в его глазах. Казалось, трактирщик говорил правду.

– Слушай внимательно, кабатчик, – галактический скиталец наклонился так близко, что их лица почти соприкоснулись. – Если он продаст мои вещи, обменяет на бисер или просто выбросит в болото... я вернусь сюда. И тогда ты мне будешь не нужен для вопросов. Понял?

Богдан быстро, испуганно закивал, и его второй подбородок затрясся.

– Понял, понял! Как есть понял!

Черносвет развернулся и направился к выходу, стараясь идти твёрдой, уверенной походкой, хотя ноги ещё дрожали. За спиной раздался хриплый, сдавленный голос первого здоровяка, который уже смог кое-как отдышаться:

– Эй, варяг... погоди... а как ты так... двигаешься-то? Вчера ты еле ноги волочил, пьяный в стельку... а сейчас... будто сам Вий в тебя вселился...

Инопланетянин остановился у самой двери, обернулся и одарил всех своей самой отстранённой, загадочной ухмылкой.

– Колдовство, – коротко бросил он.

И вышел на серую, затянутую тучами деревенскую улицу, оставив за спиной трактир, полный изумлённых, испуганных и восхищённых взглядов. Воздух пах дождём, дымом и... охотой. Охота только начиналась.

Черносвет шагал по грязной, ухабистой деревенской ули-

це, и с каждым шагом его охватывало все большее, гнетущее отчаяние. Пыль, поднятая редкими прохожими, липкой плёнкой покрывала босые ступни, едкий запах навоза, дыма и кислой браги висел в воздухе тяжёлым, неподвижным покрывалом. Вокруг теснились убогие, почерневшие от времени деревянные избы с кривыми ставнями, покрытые дёрном – всё это было бесконечно далеко от привычного мира сияющих металлом палуб, стерильного воздуха систем жизнеобеспечения и безмятежной тишины космоса.

Зодаш привык управлять сложнейшими механизмами, читать потоки данных с голографических интерфейсов, перемещаться между звёздными системами в коконе искривлённого пространства.

А сейчас?

Сейчас он был беспомощнее последнего смерда, потерявшего свою единственную, тощую свинью. Все величайшие технологические достижения оказались бесполезны перед лицом примитивной медовухи и человеческой жадности.

"Вот она, высшая ирония Создателей," – пронеслось в голове пришельца. – "Могу с закрытыми глазами рассчитать траекторию гиперпрыжка через нейтронную звезду, но не могу найти дорогу в этой богом забытой дыре. Могу взломать квантовую защиту военного спутника Адмиралтейства, но не в состоянии отыскать собственный многотонный корабль в каком-то первобытном лесу."

Он остановился посреди улицы, закрыл глаза и глубоко,

с усилием вдохнул. Воздух был густым, наваристым, как похлёбка из грязи, отчаяния и тления.

"Если бы у меня сейчас был «Кодекс-9»... хоть на микроединицу времени..." – но мысль оборвалась, наткнувшись на суровую реальность.

«Кодекса-9» не было. Не было корабля. Не было даже простейшего сканера. Только эта проклятая деревня, полная дикарей, которые готовы были хлопнуться в обморок при виде самого обычного шаттла!

И словно в подтверждение самых мрачных мыслей, из-за покосившегося плетня рядом с одной из самых обшарпанных изб вывалилась знакомая фигура. Это был сам Вольга, тот самый дикарь с топором. Он шатался, как корабль, попавший в гиперпространственный шторм, а его глаза были мутными и невидящими.

– Ты... ты... – мужик с трудом сфокусировал на Зодаше взгляд, опираясь о скрипучий забор. – Ты не нечисть? Не из того... железного чрева? – прохрипел он, едва стоя на ногах.

От него пахло перебродившим хлебным квасом, потом и безнадёгой.

Черносвет нахмурился, стараясь говорить как можно проще, без своих привычных "технологических" терминов, коверкая слова на местный лад.

– Не нечисть я. Просто... путник. Странник. А тот рыжий пес, Ратибором звать, обчистил меня до нитки. Вещи все пропали.

Вольга замер на секунду, а затем неожиданно расхохотался – горьким, надсадным, пьяным смехом, который перешёл в приступ кашля.

– Ты... ты пил с Ратибором-то?! – выдохнул он, вытирая слёзы рукавом. – Нужно ж быть таким дурнем, право! Со всем зельем ум зашёл!

– Чего это – дурнем? – возмущился пришелец, чувствуя, как закипает гнев. – Он же первый ко мне подсел, угощал, речь вёл!

– Да он, чтоб его волки сожрали, первый разбойник на всю округу! – русич понизил голос до конспиративного шёпота, озираясь по сторонам. – Он, да его кореш – Богдан, тот, что кабак держит! Вместе промышляют – спаивают путников одиноких, да как тех баранов стригут, обчищают до нитки! А кто сопротивляется – тех в лесу волки находят. Случайно, конечно, – он многозначительно подмигнул. – Так что радуйся, варяг, что жив остался. Вещи – дело наживное.

В голове Черносвета загудело – то ли от остатков вчерашней медовухи, то ли от нарастающего, всепоглощающего бешенства. Он развернулся и быстрыми, размашистыми шагами вернулся к проклятому кабаку. Не притормаживая, охотник с размаху пнул дверь ногой, и та с громким треском распахнулась, ударившись о стену и едва не сорвавшись с кожаных петель.

– Богдан! – голос инопланетянина, низкий и звенящий от ярости, прокатился по залу, как внезапный гром среди яс-

ного неба.

Трактирщик, только что мирно пересчитывавший потёртые монеты у стойки, подскочил на месте, рассыпав серебро по полу. Двое здоровяков, что накануне пытались «уговорить» пришельца, теперь сидели в самом тёмном углу, стараясь сделать вид, что их не существует, и не встречаться с ним глазами.

– В последний раз повторяю вопрос, кабатчик: где мои вещи? – охотник шагнул вперёд, и половицы под его тяжёлой поступью слегка затрещали.

Богдан замер, словно заяц, застигнутый волком на открытой поляне, но быстро опомнился и выдавил на своём лице масляную, подобострастную улыбку:

– Я ж говорил, милоч, честное слово... Ратибор всё...

– Ты с ним в доле, крыса поганая! – Черносвет в два шага преодолел расстояние до стойки и упёрся в неё руками. Массивная дубовая столешница слегка прогнулась под его напором с тихим скрипом. – И если через три микроединицы... – он спохватился, – через три секунды я не увижу свои вещи целыми и невредимыми, эта убогая изба превратится в кучу щепок. Понятно?

В трактире воцарилась мёртвая тишина. Даже мухи, обычно назойливо жужжащие над остатками вчерашней трапезы, замерли, прилипнув к липким столам.

– Ну... – Богдан нервно почесал свой затылок. – Может, для начала чарку медовухи? Самой отменной, ядрёной? Что-

бы дело миром решить...

Зодаш не стал ничего отвечать. Он лишь глубоко вздохнул, схватил край ближайшего дубового стола и с одним мощным движением перевернул его. Тяжёлая доска с оглушительным грохотом повалилась на пол, а глиняные кружки, деревянные чарки и миски полетели в разные стороны, словно испуганные куры.

– Две секунды, – прозвучало ледяным тоном.

Богдан ахнул и бросился за грязную занавеску, скрывавшую вход в подсобку. Слышалось лихорадочное копошение, звон железа и сдержанное ругательство.

Через мгновение он выволок оттуда потрёпанный, измазанный сажей холщовый мешок.

– Вот... всё, что осталось, – просипел мужик, швырнув узел к ногам чужака. – Доспехи твои, кожаные. И... паёк. Сухари, значит. – Он нервно ухмыльнулся, пытаясь сгладить ситуацию. – Очень... питательные. На дорожку.

Черносвет, не сводя с трактирщика взгляда, развязал мешок. Часть скафандра, замаскированного под кожаный доспех, была на месте, хоть и испачкана. Но не хватало самого главного: кошель-сканера, шлема-ошейника, а также замаскированных лука и меча.

– Где остальное? – спросил он, медленно поднимая глаза.

В его взгляде уже не было гнева – только холодная, бездонная пустота, от которой у Богдана похолодело внутри.

Трактирщик заерзал, как уж на сковороде.

– Ратибор... он забрал. Сказал, будто это... э-э... его законная доля. Ушёл на большую дорогу – туда, что к Новгороду ведёт. Грабить купцов, ясное дело.

– И шлем мой взял? – уточнил космонавт, чувствуя, как подступает тошнота.

– Не было никакого шлема! – испуганно подпрыгнул Богдан, широко раскрыв глаза. – Клянусь!

– Ладно, пусть – не шлем, – сквозь зубы произнёс Зодаш. – Обруч. Металлический.

Лицо афериста прояснилось.

– А-а-а! Этот! Он сказал, будто это... волшебный обруч какой-то. Надевает его – и тот с ним разговаривает! Весь перепугался, бедный...

Черносвет закрыл глаза. Волшебный обруч. Конечно. Как же иначе. Его последняя связь с цивилизацией, с кораблём, с надеждой на спасение – в руках у суеверного дикаря, который решил, что это магический артефакт.

– Он что, ещё и что-то на нём нажимал? – спросил он, уже заранее зная ответ и чувствуя, как холодеют кончики пальцев.

Богдан закивал с пугающей готовностью:

– Да! Да! Так и тыкает, тыкает пальцем в камушки на нём – и вдруг как закричит не своим голосом! Орёт: «Ой, ма-тушки, голос в голове! Бес вселился!» Да как даст стрекача с криком! Мы думали, он белены объелся аль с ума спятил...

О нет. О нет, нет, нет.

– Он активировал голосовой интерфейс, – тихо, почти беззвучно пробормотал пришелец, ощущая, как у него подкашиваются ноги. – «Кодекс-9» теперь будет орать ему в ухо на каальтуханском... и пытаться провести лингвистический анализ древнерусского мата.

Трактирщик замер, его челюсть отвисла.

– Ты... ты и правда колдун? – прошептал он, и в голосе зазвучал суеверный ужас, смешанный с диким любопытством. – Вещаешь про голоса в голове, про... интерфейсы...

– Хуже, – горько вздохнул инопланетянин, натягивая на себя знакомые, но такие чужие без своих систем доспехи. – Я – Черносвет!

Богдан уставился в потолок, переваривая информацию, его мозг явно с трудом справлялся с такой нагрузкой. Потом он медленно потянулся под стойку и достал оттуда ещё одну, на этот раз полную до краёв, чарку медовухи.

– На, выпей. Бесплатно, – протянул он, но теперь в глазах мужика читалось нечто вроде уважения, замешанного на страхе.

Зодаш молча взял чарку, залпом осушил обжигающее горло пойло и с силой швырнул её в стену. Глина разбилась с сухим, коротким треском.

– Запомни, кабатчик. Если Ратибор испортит мой шлем, хоть на йоту, я вернусь сюда. И тогда ты будешь всем богам молиться, чтобы тебя просто выкинули обратно к той короле.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и вышел, оставив за спиной гробовую, абсолютную тишину, нарушаемую лишь тяжёлым дыханием перепуганных мужчин.

На улице хлёткий ветер гнал по низкому небу рваные, серые тучи. Где-то вдали, за тёмной стеной леса, лежала дорога на Новгород. И где-то на ней, наверное, уже шёл Ратибор – с «волшебным обручем» на своей шее и голосом «нечисти», вещающим на непонятном языке.

Но где его искать?

Эта мысль сводила с ума. Вряд ли разбойник, даже самый глупый, обозначил место своей засады инфракрасным маркером или маячком. Без сканера, без «Кодекса-9», без хоть какого-то намёка на технологию можно было вечно блуждать по этой проклятой дороге, надеясь на слепую удачу, что Ратибор сам выскочит из кустов, приняв Черносвета за одинокого купца...

– О, поздравляю, варяг, – из подворотни, появился Вольга. – Ты вернул свои доспехи! Хоть не совсем голый остался... А то смотреть было непристойно.

Зодаш смерил мужика долгим, тяжёлым взглядом, в котором смешались презрение и последняя, отчаянная надежда. Тот стоял, пошатываясь, опираясь о поленья сруба.

– Ты знаешь, где тот... медный желудь, что с неба упал, – заявил инопланетянин, не спрашивая, а констатируя факт. Он опустил руку на костлявое, твёрдое плечо русича. – Ты покажешь мне дорогу к нему.

Вольга фыркнул, с неприязнью отряхнул ладонь пришельца, будто та была покрыта ядовитой слизью, и мутно ухмыльнулся:

– А тебе-то зачем в то гиблое место? Там же нечисть плодится! Из чрева железного выходит!

– Мне нужно кое-что оттуда забрать. Вещь очень важная, – сквозь зубы произнёс охотник, сдерживаясь из последних сил.

– Важная... – пропойца лениво почесал свою бороду, оглядывая чужака с ног до головы оценивающим, хитрым взглядом. – А мне-то что с того будет? Идти в тот лес – верную смерть искать, хвост себе на шею вешать. Нет уж, милоч, без благодарности как-то...

Черносвет стиснул зубы до хруста. Он мог бы просто скрутить этого дикаря, как цыплёнка, и тащить силой. Но без проводника, знающего тропы, в этом бескрайнем, однообразном лесу, где каждое дерево, каждый куст выглядели как близнецы, он бы заплутал навеки. Да и времени на уговоры не было – с каждой минутой Ратибор уходил всё дальше, унося шлем неизвестно куда.

Тогда Зодаш сделал то, что должен был сделать любой уважающий себя инопланетянин, загнанный в угол примитивными, но непредсказуемыми аборигенами: он соврал. Соврал с самым невозмутимым видом, на который только был способен.

– У меня есть оберег, – торжественно произнёс охотник,

вытаскивая из-за пазухи... пустую, сжатую в кулак руку.

Он держал её с такой осторожностью, будто в пальцах зажат хрупкий алмаз.

– Сильный. От любой нечисти защитит. Даже от той, что из железа да меди.

Вольга прищурился, его мутные глаза попытались сфокусироваться на пустоте.

– Где он, оберег-то этот? Ничего не вижу.

– Он невидимый для глаз простых смертных, – с лёгкой снисходительностью в голосе объяснил Черносвет. – Сила его – в вере.

– Ага, – мужик фыркнул и пошатнулся. – Как и твои мозги, видать, варяг. Напустил туману.

Космонавт театрально вздохнул, как бы сожалея о недоверии глупца.

– На, держи. Но береги – сила его велика, но хрупка.

Русич уставился на пустую ладонь пришельца, потом на его лицо, потом снова на ладонь. Он даже протянул свои корявые, дрожащие пальцы и поводил ими в воздухе, пытаясь нащупать невидимое.

– Ты... это... – он с недоумением потер пальцами пустоту. – Ты меня, что ли, за последнего дурака держишь?

– Нет, – абсолютно невозмутимо парировал Зодаш. – Просто ты его не видишь, ибо дух твой слаб. Он открывается лишь тем, кто по-настоящему в него верит. Вера – вот ключ.

Вольга задумался, почесав свою бородёнку. В его глазах

боролись скепсис и та самая, знакомая по трактиру, готовность поверить во что угодно.

– Ну... а если я... поверю? – нерешительно спросил он, в голосе зазвучала нотка надежды.

– Тогда никакая нечисть тебя не тронет. Никогда и ни при каких обстоятельствах.

– И медный дьявол из леса, из того чрева железного... тоже? – уточнил мужик, понизив голос до суеверного шёпота.

– Особенно он, – без тени сомнения подтвердил пришелец.

Пьяница тяжело вздохнул, почесал затылок и, приняв какое-то внутреннее решение, неожиданно протянул раскрытую ладонь:

– Ладно, варяг, давай сюда свой «оберег». Посмотрим, сработает ли твоё колдовство.

Черносвет с торжественным видом «вручил» новому другу невидимый артефакт, совершая сложные пассы руками, будто действительно передавая нечто материальное. Вольга с предельно серьёзным видом «повертел» нечто в пальцах, даже поднёс к уху, будто прислушиваясь, потом осторожно, с благоговением сунул «оберег» за пазуху, прямо на голое тело.

– Ну, теперь я защищён, – заявил он с внезапно появившейся уверенностью в голосе. Его осанка даже выпрямилась. – Пойдём, варяг, покажу тебе тропу. Ту, что только местные знают.

Охотник едва сдержал саркастическую ухмылку. Вот оно – главное преимущество примитивного мышления. Скажи человеку, что у него в руках волшебство, – и он поверит, даже если сжимает лишь пустоту и собственную глупость.

Они двинулись к опушке, где лес стоял сплошной чёрной стеной, словно гигантский частокол, воздвигнутый самой природой против всего живого. Проводник шагал впереди, теперь уже бодро и уверенно, время от времени он ощупывал ладонью грудь, проверяя, на месте ли его бесценный «оберег».

– Слушай, варяг, – вдруг обернулся он, и в его глазах мелькнул проблеск прежнего сомнения. – А если этот твой оберег – одно сплошное враньё? Если ты меня обманул?

– Тогда нечисть тебя найдёт и съест заживо, не оставив и косточки, – без обиняков, с леденящей душу честностью ответил Черносвет.

Вольга на секунду замер, а затем хрипло хмыкнул:

– Ну, хоть честный. Ладно, будь что будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.